

Наруто выгибается, когда другой мужчина оседает на него, все еще более высокий и тяжелый даже спустя столько лет, и хотя он не совсем уверен, кто был инициатором, поцелуй теперь отчаянный, резкий и беззаботно голодный, хотя они оба так долго держали себя под жестким контролем во всех аспектах своей жизни. Но он зарывается пальцами в вороненные волосы, пробирается по гладкой бледной коже и старается не заплакать, когда Сасукэ отстраняется, тяжело дыша и глядя на него темными и мрачными глазами.

"Всегда, кои", - пробормотал он, еще раз быстро поцеловав Наруто в губы, и Наруто почувствовал, как его сердце сжалось, потому что Сасукэ никогда не использует это ласковое обращение. Черт, ближе всего к ласке у них обычно стоят "темэ" и "добэ". Три раза, сколько Наруто себя помнит, слово "кои" звучало из уст Сасукэ, и каждый раз это было ближе всего к смерти.

Здесь же, сейчас, смерть - не столько шанс, сколько уверенность, и Наруто закрывает глаза, стараясь не поддаваться горю.

"Всегда", - отвечает он шепотом, более мягким и проникновенным, чем все слова, которые он помнит, произнесенные ранее. "Я никогда..."

"Нет", - вклинивается Сасукэ, и опустошенность полностью исчезает, изгоняемая яростным огнем, вспыхнувшим в его глазах. "Нет, Наруто, не смей мне этого обещать. Ты заслуживаешь того, чтобы найти кого-то другого, чтобы снова почувствовать это. Это буду не я, это будет не то же самое, но поклянись, что ты позволишь себе это. Поклянись, Наруто".

Наруто встречает его острый взгляд, видит в нем решимость и понимает, что, по крайней мере, в этом ему не победить. Клянусь, Сасукэ, если будет кто-то еще, я попробую. Но ты..."

Глаза Сасукэ смягчаются, и он наклоняется вперед, чтобы снова столкнуть их лбы. "Я знаю", - шепчет он в ответ. "Знаю, но... постарайся".

Они оба понимают, потому что это то, о чем они оба просили бы друг друга и не смогли бы сделать сами, как бы ни сложилась ситуация. Любовь - жестокая и грозная штука, по крайней мере, в расставании, а горе от утраченной романтической любви - это то, что никому из них не приходилось переживать раньше. Сасукэ скоро уйдет - он чувствует, как утекает его жизнь, как истекают часы его пребывания здесь, - а Наруто придется терпеть и выживать, одному в чужой для него стране.

"Я буду", - повторяет Наруто, отгоняя от себя мысли о еще одной жизни без Сасукэ - очень долгой жизни, после жертвы Курамы. А еще отгоняет мысль о том, что Сасукэ оставят здесь умирать в одиночестве, будь то миссия камикадзе или нет. Он сбросит скрывающее их гендзюцу, как только будет готов, а затем будет ждать, пока силы Мадары найдут его. На поляне повсюду стоят печати самоубийц, которые только и ждут, чтобы их активировали, и тогда все будет сделано. "Всегда", - повторяет он и крадет еще один короткий поцелуй бабочки, прежде чем встать на ноги и подняться.

Сасукэ поднимается вместе с ним, хотя и пошатывается на ногах, когда его пробирает сильный кашель, и они вместе достают огромный, тяжелый свиток и разворачивают его посреди небольшой открытой площадки. Линии печати, кажется, мерцают даже в темноте, вбирая в себя свет и удерживая его. Это самая сложная печать, которую когда-либо делал Наруто, - почти год непрерывной работы на одном отрезке тяжелого холста. Каждая линия выверена до мелочей, бесчисленное количество раз перепроверена и подправлена, пока вся вещь не стала резонировать от сдерживаемой силы, даже до активации.

Они выкладывают его под потемневшим небом, а затем отступают в тишину, потому что это момент. Это последний шаг, конец, шаг за грань и в новое начало.

И только один из них отправится в это путешествие.

Наруто тяжело вздохнул и поднял голову, встретившись взглядом с темными глазами Сасукэ, в которых читалось нечто, близкое к отчаянию. Он ничего не говорит, но это и не нужно. В глазах Сасукэ отражается то же самое, потому что начало это или нет, но это также наверняка конец. Менее чем через четверть часа звезды займут свои места, готовые усилить призванную силу, и печать Наруто оживет с одной каплей крови, унося его навсегда.

Сасукэ протягивает руку, которая не дрожит, проводит по щеке Наруто и прослеживает каждую черточку его лица. Благодаря шарингану ему не нужно прилагать усилий, чтобы запомнить черты лица партнера, но он все равно это делает, сознательно фиксируя в памяти каждую деталь. Это красивое лицо, сильное и полностью сформировавшееся после детских округлостей, худое от тяжелых лет жизни и покрытое шрамами от войны. Даже Кюуби не смог исцелить все, и на коже Наруто осталась целая россыпь шрамов. Длинные рыжие волосы, глубокие и темные, как гранат, свободно падают вокруг его лица, давно освободившись от привычного хвоста, и Сасукэ с тоской проводит по ним рукой. Не блондин, хотя золотисто-солнечные волосы так идеально подходили к характеру Наруто. Но все же Наруто, и этого достаточно, чтобы сделать его дорогим.

Одна тонкая коса свисает вниз рядом с лицом Наруто, и Сасукэ с сожалением касается ее, вспоминая ту долгую, медленную ночь, которую они посвятили себе, когда печать была окончательно завершена. Одна ночь, когда они отбросили мысли о безопасности, скрытности и бдительности, предались разгулу, и в память о ней осталась лишь тонкая коса, переплетенная черно-красным шелком, и томительная боль в обоих их телах.

"Это оставить?" - спросил он, не успев остановиться. "Только... только это".

Для меня, - ему не нужно говорить, потому что Наруто знает, поймет лучше, чем кто-либо другой.

Рука Наруто поднимается, накрывая его руку и сжимая пальцы вокруг тонкой прядки волос. "Всегда", - говорит он, снова давая клятву, но на этот раз с улыбкой, со всем сердцем в глазах.

"Сасукэ, все. Это всегда было твоим. Мы столько раз переделывали друг друга с тех пор, как впервые встретились, и, как ты сказал, это уже произошло. Ничто и никогда не изменит этого. Даже если я найду кого-то другого, даже если не найду, у тебя уже будет весь я".

Сасукэ это, конечно, знает, знает уже много лет. Но услышать это вот так, так просто и определенно, - бальзам на рану, которую он даже не осознавал как таковую. Он снова наклоняется, проводит поцелуем по тыльной стороне руки Наруто, где их пальцы все еще переплетены, по лбу Наруто, наполовину скрытому темными волосами, а затем снова по губам, затяжным и мягким. Последний поцелуй, и Наруто отвечает на него всем своим существом. Плюс-минус, и они всегда были равны, несмотря на его детские заблуждения. Наруто - это половина его самого, светлое - его темное, золотое - его бледное, зыбкое - его спокойное. Каждому солнцу нужна тень, а каждой тени - солнце, и они уравнивают друг друга. Так было всегда, даже в те времена, когда они не хотели этого признавать.

"Иди", - дышит Сасукэ ему в губы, потому что, если Наруто не уйдет сейчас, Сасукэ понимает, что он никогда не уйдет. Они будут колебаться и надеяться на другой путь, пока звезды не сойдутся, и тогда все будет потеряно.

У них нет выбора, нет другого пути, который привел бы их к лучшему будущему. Это их единственный шанс, и никто из них не может его упустить.

"Я люблю тебя", - шепчет Наруто в ответ, едва переводя дыхание. Они говорят это нечасто - дважды, трижды, может быть, - но это не страшно, потому что это всегда было понятно. Он делает шаг в сторону и, расправив плечи, идет вперед, чтобы встать в самом центре печати. Звездный свет отблескивает на кинжально-острых когтях, когда он поднимает руку, из рассеченного запястья брызжет кровь. Сасукэ морщится от глубокой раны, опасной для жизни любого другого, но лицо Наруто спокойно и отрешенно, не совсем в покое, но и не совсем далеко от него.

Печать начинает светиться, пульсируя синей и фиолетовой чакрой, сияя в темноте как маяк. Печати на руках Наруто вторят ему, сверкая и переливаясь, и на мгновение он становится существом света, подвешенным в тени. Сасукэ переводит дыхание - последний шанс, последний раз, только еще раз - и делает шаг вперед, прямо к краю свитка. Наруто открывает глаза, светящиеся глубоким фиолетовым светом, и улыбается ему, сверкая острыми белыми зубами и выражая свирепость. Сасукэ отвечает ему своей ухмылкой.

"Всегда, кои", - повторяет он, зная, что Наруто услышит его даже сквозь треск и грохот нарастающей силы, когда звезды сходятся в одну линию. "Я люблю тебя".

Глаза Наруто встречаются с его глазами и задерживаются на нем, устойчивые и сильные, и в них мир слов, которые никто из них никогда не должен был произносить. И сейчас им не

нужно их произносить, потому что достаточно одного взгляда.

Он держится одно бесконечное мгновение, а потом руки Наруто мелькают в трех ручных печатях, и свет исчезает.

Печать исчезла.

Наруто больше нет.

Сасукэ делает шаг назад, внезапное отсутствие словно пепел на языке, а затем выдыхает.

Им повезло, правда. Мало кому за все это время выпадал такой шанс попрощаться. Прощания - еще одна роскошь, утраченная войной, от которой отказались вместе с милосердием, справедливостью и всем, что выходит за рамки "убить-защитить-наберечь-победить-выжить". Но не надолго, если этот план удастся.

Никогда больше, если Наруто сдержит слово, а Сасукэ знает, что так и будет, так же, как знает, что солнце взойдет, прилив отхлынет, и он умрет. Другого выхода просто нет.

Их прощание затянется, останется, и Сасукэ это утешает, даже когда он оседает на валун и складывает руки в таранную печать. "Кай", - бормочет он и чувствует, как скрывавшее их гэндзюцу, отраженное и усиленное печатями Наруто, пока даже сам Мадара не может его почувствовать, рассыпается на куски. Он устраивается поудобнее, готовя в уме пусковое слово, которое нужно будет произнести в одно мгновение, и готовится к ожиданию.

Ждать осталось недолго, думает он, и, поскольку Наруто ушел, навсегда потерянный для него, он не может заставить себя по-настоящему задуматься. Он встретит свою смерть здесь, когда Мадара придет за ним, придет за его глазами, или он встретит ее до того, как солнце взойдет трижды, и использует свой собственный уход, чтобы запустить печати самоубийства и не дать Мадаре получить свой Шаринган.

В любом случае, они победили.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458409>